

© 2010 г.

В.В. МАРЬИНА

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ВОИНСКИЕ ЧАСТИ В СССР. 1941–1945 годы

Идея создания чехословацкой воинской части в Советском Союзе возникла еще до нападения на него гитлеровской Германии и обсуждалась в связи с советско-чехословацкими переговорами о сотрудничестве в области разведки, которые велись в конце 1940 – начале 1941 г. в Стамбуле¹. С чехословацкой стороны их возглавлял один из ведущих сотрудников разведки полковник Г. Пика, с советской – начальник отдела иностранной разведки НКВД П.М. Фитин, который выступал под фамилией “Фокин”². Как передавал Пика в Лондон, советский проект сотрудничества в области разведки трактовался весьма широко и, в частности, содержал пункт о создании самостоятельных чехословацких воинских частей на территории СССР, когда это позволит международная ситуация.

В качестве посредника на переговорах выступал командир чехословацкого легиона, интернированного в СССР в сентябре 1939 г., подполковник Л. Свобода. В силу своего положения он часто общался с представителями НКВД, обсуждая с ними вопрос об эвакуации легиона на Ближний Восток. Там формировались чехословацкие воинские части, которые участвовали в войне против нацистской Германии на стороне Англии. В СССР осознавали неизбежность войны с “третьим рейхом”, не знали только, когда это произойдет. Именно тогда Свободу посетила мысль о возможности ведения антинацистской деятельности с советской территории. Еще 2 октября 1940 г. он передал в советское консульство в Стамбуле, где находился в связи с эвакуацией легиона, предложение об организации такой деятельности, включая создание чехословацких воинских частей в СССР.

Примерно в то же время и в Москве вызревало решение о формировании в Советском Союзе иностранных воинских частей, в частности польских и чехословацких. Поручено это дело, видимо, было НКВД и его главе Л.П. Берии. 2 ноября он направил И.В. Сталину письмо, в котором докладывал, что сделано НКВД “во исполнении Ваших указаний о военнопленных³ поляках и чехах”. В отношении последних говорилось, что “они считают своим исконным врагом Германию и хотят драться с ней за восстановление Чехословацкого государства. Себя они рассматривают как военнообязанных чешской армии, своим вождем считают Бенеша и в случае, если на территории Советского Союза будут организованы какие-либо чешские военные части, вступят в них по приказу Бенеша или, как минимум, своего командира полковника (так в тек-

---

Марьина Валентина Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007, с. 262–291.

² См. Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. – Новая и новейшая история, 1996, № 5, с. 115, примечание 59.

³ В известных автору документах Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР чехи, чехословаки значились как интернированные.

сте. – *В.М.*) Свобода, ныне находящегося за границей. Свобода нами из-за границы вызван”⁴.

В ноябре 1940 г. Свобода прибыл в Москву для обсуждения сделанных им предложений. Очевидно, он имел встречу (а может быть, и не одну) с советскими представителями, поскольку записал в дневнике в конце того же месяца: “Официальное решение правительства СССР мне во время этой встречи сообщено не было, но мне было дано понять, что мои предложения будут приняты и реализованы”. При этом Свобода заверил собеседников, что с его предложениями будут согласны президент Бенеш и чехословацкое правительство, и рекомендовал “как можно быстрее установить с ними связь и информировать их”⁵. Вести переговоры с советскими властями Бенеш поручил Пике, который находился в постоянной радиосвязи с Лондоном.

Пика в основном положительно оценивал ход переговоров. “Хотя Россия еще не может публично дипломатическим путем дать никаких гарантий, все же именно она освободит чешский народ. Это может произойти только в результате победы над фашизмом и нацизмом и после интервенции (скорее всего, имелись в виду либо вступление в войну, либо освободительный поход Красной Армии. – *В.М.*) России”, – сообщал Пика в Лондон 25 января 1941 г.⁶ Бенеш намеревался использовать стамбульские переговоры и для достижения определенных политических целей: добиться, хотя бы негласного, со стороны СССР признания временного чехословацкого правительства. Однако этого пока сделать не удавалось, и тем не менее 8 марта Бенеш сообщил Пике: “По политическим и тактическим мотивам я полагаю, что теперь уже необходимо придать нашим связям с Советским Союзом более ясную форму”. Пика был назначен “чехословацким политическим и военным уполномоченным в СССР и Турции с местопребыванием в Москве”. В военном плане ему поручалось вести переговоры о создании чехословацкой воинской части в СССР. Начатое с Советским Союзом сотрудничество рассматривалось как первый этап, за которым может последовать его расширение и углубление “в соответствии с политическим развитием”⁷.

В конце апреля Пика тайно прибыл в Москву, где представил широкую программу своей деятельности, касавшуюся не только военного, но и политического сотрудничества. Однако советское руководство тогда не готово было пойти ни на политические, ни на дипломатические переговоры с чехословацким представителем из-за опасения их преждевременной огласки. Они обрели новый размах и содержание только после нападения гитлеровской Германии на СССР и его вступления в войну.

Уже 24 июня 1941 г. Пика через НКГБ направил помеченное грифом “секретно” письмо советскому правительству, в котором развивал идеи советско-чехословацкого сотрудничества в новых условиях, подписанное “начальник чехословацкой военной миссии в СССР Пика”. С точки зрения содержания оно скорее напоминало дипломатическую ноту. В письме говорилось, что после изменения политической ситуации “можно приступить к осуществлению полной программы советско-чехословацкого сотрудничества. Целесообразно и необходимо действовать быстро, ясно и открыто, чтобы мировое общественное мнение и, особенно, чехословацкий народ знали, какова советская точка зрения по вопросу борьбы Чехословакии против Германии с целью восстановления ее (Чехословакии. – *В.М.*) самостоятельности”. Пика предлагал советскому руководству официально заявить, что СССР одобряет чехословацкую борьбу против Германии с целью восстановления независимой Чехословацкой республики (ЧСР); что СССР признает чехословацкое правительство в Лондоне единственным представителем чехословацкого народа и Бенеша как руководителя его борьбы против

⁴ Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. (Из рассекреченных архивов). – Новая и новейшая история, 1993, № 2, с. 60–62.

⁵ *Vališ Z. Ludvík Svoboda (druhá světová válka)*. – *Historie a vojenství*, 1990, № 6, s. 137.

⁶ См. подробнее: *Gebhart J., Koutek J., Kuklík J. Na frontách tajné války. Kapitoly z boje československého zpravodajství proti nacismu v letech 1938–1941*. Praha, 1985, s. 294–296.

⁷ *Dokumenty z historie československé politiky 1939–1941*. Praha, 1966, s. 185.

фашизма и нацизма, а чехословацкую армию за границей как союзническую армию самостоятельного и участвующего в войне государства; что СССР разрешит организовать формирование на своей территории чехословацких военных частей, которые будут сражаться против напавшего на него агрессора. Наконец, автор письма выражал уверенность, что после поражения Германии “победоносный СССР позволит чехословацкому народу свободно принять решение о своем политическом устройстве”. Пика предлагал официально признать военных и политических представителей чехословацкого правительства, которые будут работать в Москве, принять необходимые меры для выявления и сосредоточения всех пригодных к мобилизации чехословацких граждан либо для несения военной службы, либо для выполнения трудовой повинности. Чехословацкое правительство, по словам Пики, брало на себя обязательство “тесно сотрудничать с СССР во всех областях военной деятельности с целью достижения победы над гитлеровским агрессором”⁸.

29 июня Берия принял Пика, который представил ему проект организации в СССР чехословацкой воинской части. На добровольной основе в нее могли вступить все проживающие в Советском Союзе чехословацкие эмигранты, лица, содержавшиеся в советских тюрьмах и лагерях после соответствующей их проверки, а также являвшиеся советскими гражданами чехи, словаки и карпатские украинцы. Берия заверил Пика, что советское правительство пойдет навстречу этим предложениям⁹. К этому времени Москва уже определилась в чехословацком вопросе. В телеграмме советскому послу в Лондоне И.М. Майскому от 3 июля 1941 г., в частности, говорилось, что СССР стоит за восстановление Чехословакии и что характер государственного режима является ее внутренним делом¹⁰. 8 июля Майский сообщил президенту, что “политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством”, которое может направить в Москву своего посланника, а также о том, что советское руководство готово оказать помощь в создании чехословацкой воинской части в России¹¹. 12 июля СССР и Англия подписали соглашение о сотрудничестве в войне против гитлеровской Германии, и Бенеш был рад, что советско-чехословацкие отношения развиваются в том же направлении. Тогда же Э. Бенеш изложил начальнику президентской канцелярии Я. Смутному свой взгляд на роль России в Восточной и Центральной Европе после войны, считая эту роль ведущей: “Для нас такое положение чрезвычайно важно, поскольку от него будет зависеть все будущее, безопасность республики”¹².

16 июля советское правительство представило президенту проект советско-чехословацкого соглашения и высказалось за его немедленное подписание. В этот же день и Военный кабинет Великобритании принял решение о признании Чехословакии де-юре. 18 июля в советском посольстве в Лондоне состоялось подписание “Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Чехословацкой Республики”. Оно предусматривало немедленный обмен посланниками, взаимопомощь в войне против гитлеровской Германии, согласие советского правительства на образование в СССР чехословацких воинских частей. Их командование должно было назначаться чехословацким правительством по согласованию с советской стороной, а в оперативном отношении они должны были подчиняться

⁸ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. D. 1. Březen 1939–červen 1943 (далее – ČSDVJ 1). Praha, 1998, s. 196–197. См. также: *Марына В.В.* Указ. соч. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009, с. 18–20.

⁹ *Benčík A., Richter K.* Vražda jménem republiky. Tragický osud generála Heliodora Píky. Praha, 2006, s. 159.

¹⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII. М., 1973, с. 198.

¹¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4, кн. 1. Март 1939 г. – декабрь 1943 г. (далее – ДМИСЧО 4-1). М., 1981, с. 116.

¹² Там же, с. 119–120.

Верховному командованию СССР¹³. Заключение соглашения имело большое значение для укрепления международных позиций Чехословакии, настаивавшей на ее правовом и политическом континуитете с домюнхенской республикой. Чехословакия, по словам Смутного, “снова стала полноправным международным субъектом, а Бенеш ее президентом”¹⁴. Это же подчеркнул и глава Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) К. Готвальд. В тот же день, 18 июля, Англия заявила об окончательном признании чехословацкого правительства (до этого она признавала его как временное)¹⁵, но решение вопроса о континуитете и границах ЧСР Лондон откладывал на неопределенное время. Впрочем, о границах пока ничего не говорила и Москва, что констатировал Бенеш в послании своим сторонникам на родину 14 августа 1941 г.¹⁶

На следующий день после подписания советско-чехословацкого соглашения в Москву на имя Г. Пики ушла телеграмма за подписью Э. Бенеша и министра национальной обороны С. Ингра. В ней излагались принципы переговоров с советским правительством относительно воинских формирований, являющихся “составной частью единой самостоятельной чехословацкой армии за границей” и имеющих собственное командование, знамена, знаки различия, должности, юрисдикцию, но в плане организации, снаряжения и вооружения, обучения и тактики приспособленных к существующим в советской армии условиям. Военная миссия во главе с Пикой подчинялась министерству национальной обороны. Предусматривалось нахождение при чехословацкой части в качестве совещательного органа советской военной миссии. В ее обязанности входила помощь при организации части, обучении ее личного состава и осуществление связи с советским командованием. Расходы по формированию части и превращении ее в боеспособную единицу должно было нести советское правительство в счет кредита, предоставленного чехословацкому правительству на эти цели. Рекомендовалось обсудить с советскими руководителями вопрос о возможности приезда в СССР офицерских кадров из Англии и с Ближнего Востока, где был их избыток¹⁷.

19 июля чехословацким посланником в СССР был снова назначен З. Фирлингер, покинувший свой пост в декабре 1939 г. В характеристике, составленной на него в НКВД, в частности, говорилось: “Во время пребывания Бенеша на постах министра иностранных дел и президента Фирлингер пользовался его покровительством и считался одним из ближайших сотрудников Бенеша... Фирлингер всегда выступал как сторонник сближения Чехословакии с Советским Союзом”¹⁸. Он привез с собой письма Э. Бенеша на имя М.И. Калинина, В.М. Молотова и И.В. Сталина. 15 августа Фирлингера принял Молотов. Во время беседы рассматривались различные аспекты советско-чехословацких отношений, в том числе и касающиеся создания в СССР чехословацкой воинской части. Фирлингер был осторожен в высказываниях, заявив, что следует выяснить вопрос о наличии необходимых для этого людей, что “может быть, будут сформированы батальона два, которые будут иметь символическое значение”¹⁹. О том же шла речь и во время встречи посланника с заместителем наркома иностранных дел А.Я. Вышинским 21 августа, когда З. Фирлингер говорил уже только о бата-

¹³ Там же, с. 129.

¹⁴ ČSVDJ 1, s. 212–213.

¹⁵ 20 июля чехословацкое правительство признал Китай (Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 0138, оп. 22, п. 130в, д. 1, л. 9). 30 июля о своем признании чехословацкого правительства, но лишь как временного, заявили США. Окончательно оно было признано решением Ф.Д. Рузвельта 26 октября 1942 г. – *Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Řeči, projevy a dokumenty z r. 1938–1945. Praha, 1946, S. 463–464.*

¹⁶ E. Beneš: *vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války. Praha, 1996, s. 115.*

¹⁷ ČSVDJ 1, s. 214–216.

¹⁸ АВП РФ, ф. 029, оп. 5, п. 31, д. 53, л. 10–11.

¹⁹ Там же, ф. 06, оп. 3, п. 25, д. 347, л. 1–3.

льоне, поскольку “чехословацких граждан в СССР мало”. Одновременно он просил предоставить ему сведения об интернированных в СССР чехословацких гражданах. Вышинский обещал содействие НКВД в этом деле²⁰. 28 августа Фирлингер передал заведующему IV Европейским отделом НКВД Н.В. Новикову памятную записку, касавшуюся заключенных либо интернированных на территории СССР лиц, которые могли быть призваны в чехословацкую воинскую часть²¹. Основная деятельность посланника сразу после приезда в Москву, согласно полученным инструкциям, была направлена именно на решение вопроса о создании воинской части.

Этим же занимался и Пика. Взаимоотношения между полпредством и миссией определялись в телеграмме Бенеша и Ингра от 19 июля: Фирлингер должен был вести переговоры только по принципиально важным военно-политическим вопросам, не встречая в чисто военные дела, которые относились к компетенции Пики. Вскоре это, казалось бы, четкое разграничение обязанностей привело к обострению отношений между ними. 29 июля Пика направил в НКГБ (20 июля он был объединен с НКВД) письмо, касавшееся конкретной реализации советско-чехословацкого соглашения, и сообщил в Лондон о новой встрече с Берией. Нарком информировал его о готовящемся распоряжении относительно “концентрации чехословацких граждан”, находящихся в СССР, их наборе в военную часть и организации центра обучения. “Чехословаков очень мало, – писал Пика, – их число выясняется”, предполагалось, что на это уйдет месяц²². Однако дело затянулось, что объяснялось разными причинами, и в первую очередь сложной военной обстановкой в стране и неудачами на советско-германском фронте. Кроме того, Пика в это время, по-видимому, и не считал нужным особенно спешить с организацией воинской части, считая необходимым “выиграть время и сберечь наших людей для акций дома”²³. Этой позиции он придерживался и впоследствии, хотя и не всегда мог следовать ей. Фирлингер был более настойчив в выяснении причин задержки с подписанием советско-чехословацкого военного соглашения. 12 сентября они оба были приняты Вышинским, который заявил о готовности советских военных органов начать переговоры по этому вопросу. “Собеседники отмечают, – значитесь в дневнике заместителя наркома, – что чехословацкие части на территории СССР будут малочисленными и их участие в военных операциях против немцев скорее всего имеет символическое значение”²⁴.

26 сентября Фирлингер снова обратился в НКВД с просьбой ускорить подписание советско-чехословацкого военного соглашения и получил разъяснение, что его проект, разработанный советским Генштабом и чехословацкой военной миссией, “в настоящее время рассматривается в правительственных инстанциях”²⁵. И уже на следующий день, 27 сентября, генерал-майор А.М. Василевский, тогда заместитель начальника Генштаба РККА, и Г. Пика подписали Военное соглашение между Верховным командованием СССР и Верховным командованием ЧСР. “Численность и количество чехословацких воинских частей, – говорилось в соглашении, – будут зависеть от наличия чехословацких граждан в СССР и возможностей материального снабжения”. Личный состав формировался как на основе призыва, так и в добровольческом порядке. Правительство СССР брало на себя кредитование расходов, связанных с формированием и содержанием чехословацких частей²⁶.

Сразу после подписания соглашения и Фирлингер (по линии НКВД)²⁷, и Пика (по линии Генштаба и НКВД) развернули активную деятельность по его реализации.

²⁰ Там же, ф. 029, оп. 5, п. 31, д. 53, л. 19–21.

²¹ Там же, л. 32–34.

²² *Benčík A., Richter K.* Op. cit., s. 175; ČSVDJ 1, s. 216–217.

²³ ČSVDJ 1, s. 220–227.

²⁴ АВП РФ, ф. 029, оп. 5, п. 31, д. 53, л. 45–46.

²⁵ Там же, л. 51.

²⁶ ДМИСЧО 4-1, с. 170–171.

²⁷ АВП РФ, ф. 029, оп. 5, п. 31, д. 53, л. 53–57, 58; ф. 0138, оп. 20, п. 130а, д. 4, л. 9, 11–12.

Посланник настаивал на скорейшей организации призыва, определении сборного пункта и использовании оставшейся в Суздальском лагере группы интернированных чехословацких легионеров как костяка будущей воинской части. Пика 10 октября был принят Берией, который, извинившись за задержку с подписанием соглашения, заявил о назначении уполномоченного правительства по делам формирования чехословацкой воинской части в СССР и проекте создания смешанной советско-чехословацкой комиссии для решения всех возникающих в связи с этим вопросов. 14 октября Пика написал письмо Берии с конкретным планом формирования чехословацких воинских частей в СССР. Предполагалось, что здесь могут быть мобилизованы 5 тыс. чехословацких граждан (подданных ЧСР до Мюнхенского диктата) плюс советские добровольцы “чехословацкой национальности”. Намечалось постепенное формирование трех батальонов с превращением их в “смешанную бригаду”, вооружение, снаряжение и обмундирование для которой поставит Англия в рамках оказываемой ею помощи Советскому Союзу. В письме говорилось о желательности участия чехословацкой части в боях в составе Красной Армии. Прилагались таблицы с перечислением вооружения, снаряжения и обмундирования, необходимых для отдельной смешанной моторизованной бригады (4607 человек) и отдельного моторизованного батальона (1124 человека)²⁸.

Получил ли Берия это написанное на плохом русском языке письмо, автору не известно²⁹. Военное положение было очень серьезным. Части вермахта подошли вплотную к столице. Началась эвакуация государственных и общественных учреждений, а также дипломатического корпуса. В Куйбышев уехали и сотрудники чехословацкого полпредства, в том числе Фирлингер и Пика. По прибытии в Куйбышев Пика отправил с курьером сообщение в Лондон о разговоре с Берией: “Нас просили потерпеть еще несколько дней, поскольку они (советские власти. – В.М.) заняты работой по облегчению положения на фронте. Для них речь шла о сохранении всей страны, о задержке наступления, о победе или поражении. В этом судьбоносном напряжении сил они одиноки, союзники в военном отношении не сделали ничего, чтобы оттянуть часть немецких армий на другой фронт... Эти трудности самостоятельной борьбы они переносят стойчески и стремятся сами выправить положение”³⁰. И может быть не случайно Бенеш, выступая в Государственном совете³¹ 25 ноября, говорил: “С 22 июня 1941 г. центр тяжести войны переместился на Восток, и самое большое бремя со стороны союзников несет Советский Союз. Он борется не только за себя, но и за всех нас остальных. Его армия, его экономическая организация и его политическое устройство оправдали себя”³². В самой Великобритании широкое распространение в это время получили симпатии к СССР³³.

Однако англичане отказались вооружать чехословацкую часть на территории СССР. Согласно сообщению советского посла при союзных правительствах в Лондоне А.А. Богомолова госсекретарь чехословацкого правительства Г. Рипка просил вооружить чехословацкий батальон советским оружием. Хотелось бы, сказал он, “из чисто политических соображений” иметь хотя бы маленькие воинские части, “борющиеся с немцами вместе с Красной Армией”. 13 ноября Молотов направил Богомолону те-

²⁸ Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (далее – ЦА ФСБ РФ), ф. К-10с, оп. 11, д. 49, л. 1–10.

²⁹ Письмо обнаружено в пятитомном деле № 200: документы, касающиеся освободительной борьбы польского и чехословацкого народов в 1938–1945 гг. Материалы были отобраны в 1963–1965 гг. в Центральном оперативном архиве при Совете министров СССР для ознакомления польских и чехословацких историков. Согласно имеющейся справке, 6 января 1966 г. копии документов были переданы Посольству ЧССР в СССР для передачи Институту истории КПЧ.

³⁰ *Benčík A., Richter K.* Op. cit., s. 206–207.

³¹ Советательный орган при эмигрантском правительстве, имитирующий парламент.

³² *Beneš E.* Op. cit., s. 296.

³³ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943, в 2-х кн. Кн. II, ч. 2. 22 июня 1941–1943 год. М., 2009, с. 53–54, 58–61, 67.

леграмму с согласием предоставить формирующейся в СССР чехословацкой части советское вооружение и обмундирование³⁴.

19 ноября “Уполномоченным Верховного командования СССР по связям с чехословацкой военной миссией и по реализации советско-чехословацкого военного соглашения от 27 сентября 1941 г.” был назначен генерал-майор А.П. Панфилов³⁵. И дело создания чехословацкой воинской части наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Начала действовать возглавляемая Панфиловым и Пикой смешанная советско-чехословацкая комиссия, решавшая конкретные вопросы. Первое ее заседание состоялось 8 декабря в Куйбышеве. В качестве сборного пункта формирующейся части определялся г. Бузулук. Начать, по словам Панфилова, можно было с создания самостоятельной мотомеханизированной бригады, вооружение и снаряжение которой брало на себя советское правительство. Генерал предложил подготовить обращение ко всем чехам, словакам и подкарпатским русинам, служащим в немецкой, словацкой или венгерской армиях, с призывом переходить на сторону Красной Армии. Относительно отбывающих наказание в СССР чехословацких подданных Панфилов заявил, что интернированные за нелегальный переход советско-венгерской границы (в 1939 г. – *В.М.*) будут немедленно освобождены, а мужчины от 18 до 52 лет, способные к несению воинской службы, отправлены в Бузулук. Но “немедленно” не получилось. Делом занимался НКВД, и освобождение, несмотря на указание свыше, шло медленно.

На ходе формирования части сказывались и напряженные отношения между Фирлингером и Пикой, что было замечено, в частности, и Новиковым: “Между Фирлингером и Пикой в вопросе об осуществлении военного соглашения есть какие-то трения, по-видимому, по вопросу о приоритете в этом деле”³⁶. Так оно и было. Пика обвинял Фирлингера во вмешательстве в дела его компетенции, т.е. решение чисто военных вопросов. Фирлингера же задевало то, что Пика без его ведома направляет в Лондон материалы, содержащие политические оценки действий советских властей и положение в СССР³⁷. Фирлингер считал это своей прерогативой.

В декабре Панфилов направил Молотову проект постановления ГКО “О чехословацкой армии на территории СССР”, которое должен был подписать Сталин, и протокол № 1 заседания смешанной советско-чехословацкой комиссии по ее формированию. В проекте значилось: “1. Разрешить чехословацкому командованию сформировать на территории СССР а) один пехотный батальон – 1100 чел. и б) одну запасную роту – 150 чел. Батальон и запасную роту дислоцировать в г. Бузулуке”. Начальнику тыла Красной Армии А.В. Хрулеву и начальнику артиллерии Н.Н. Воронову предлагалось дать соответствующие указания относительно снабжения и вооружения воинской части. Чехословацкому правительству на первый квартал 1942 г. планировалось выдать беспроцентный кредит в сумме 3 млн. 700 тыс. рублей³⁸. В действительности сумма кредита была выше и составила 5 млн. рублей³⁹. 3 декабря советское правительство разрешило “беспощинный ввоз благотворительных грузов (теплой одежды и других необходимых вещей) для чехословацких воинских частей и чехословацких граждан в СССР”⁴⁰.

НКВД тем временем продолжал выяснять, сколько чехословацких граждан находится в подведомственных НКВД учреждениях. 19 декабря Вышинский сообщил Молотову о полученных им сведениях: 435 чехословацких подданных и граждан протектората Чехия и Моравия. По мнению Вышинского, следовало поручить НКВД

³⁴ ДМИСЧО 4-1, с. 177, 179.

³⁵ АВП РФ, ф. 0138, оп. 20, п. 130а, д. 4, л. 24.

³⁶ Там же, л. 77.

³⁷ Такое указание Пика получил 21 ноября от МНО чехословацкого правительства и выполнял его. – ДМИСЧО 4-1, с. 179–180.

³⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 26, д. 35, л. 1–3.

³⁹ ДМИСЧО 4-1, с. 188.

⁴⁰ Там же, с. 183.

“пересмотреть все эти дела и в зависимости от характера преступления заключенного решать вопрос о его освобождении”⁴¹. 7 января 1942 г. Берия, ссылаясь на решение ГКО СССР от 3 января, издал приказ № 1096 “О чехословацкой бригаде на территории СССР” и давал следующие указания: “1. Освободить из тюрем, лагерей, мест ссылки и высылки чехословацких граждан, содержащихся в заключении в качестве военнопленных, интернированных или на других достаточных основаниях”, за исключением лиц, “подозреваемых в шпионаже против Советского Союза”; 2. Освобожденных лиц мужского пола призывного возраста (от 18 до 50 лет) направить, снабдив их проездными документами, в г. Бузулук Чкаловской области “в распоряжение штаба чешской армии на территории СССР”. Начальнику 2-го управления НКВД СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга Федотову приказывалось в декадный срок передать Генштабу Красной Армии (генералу Панфилову) списки советских граждан – чехов по национальности, чехов без гражданства и чехословацких политэмигрантов. На это же управление возлагалось и “оперативное обслуживание формируемой чешской бригады”⁴².

Пока речи не было ни о словаках, ни о жителях, ранее проживавших в оккупированном Венгрией Закарпатье (Подкарпатской Руси). Чехословацкое правительство считало их чехословацкими гражданами и добивалось освобождения. 27 января 1942 г. Пика писал в Лондон: “Подкарпатские русины после полученного в СССР опыта стали воодушевленными чехословаками, обещают, что будут сражаться, как львы, чтобы заслужить возвращения в ЧСР. Их положение в лагерях для интернированных жалкое, они страдают от голода и истощения, от тяжелого авитаминоза, и много их умирает. Необходима их быстрая защита путем набора в армию, иначе в течение года они вымрут”. 20 февраля Бенеш передал Майскому меморандум, касающийся их освобождения из лагерей⁴³. Но советские власти пока считали их гражданами воюющей против СССР Венгрии.

10 января 1942 г. состоялось второе заседание смешанной советско-чехословацкой комиссии. Присутствовали генерал А.П. Панфилов, его заместитель майор госбезопасности Г.С. Жуков и полковник Г. Пика. Панфилов, согласно протоколу, довел до сведения Пики следующее: 1. Правительство СССР разрешило сформировать на территории СССР одну моторизованную бригаду численностью 2350 человек. В первую очередь формируется один моторизованный батальон (1100 человек) и одна запасная рота (150 человек), которые дислоцируются в Бузулуке; 2. НКВД СССР поручалось освободить чехословацких граждан, указанных в приказе Берии от 7 января; 3. Гражданам СССР “чехословацкой национальности” разрешалось добровольно вступать в формируемую воинскую часть⁴⁴.

К концу 1941 г. прояснилась картина относительно судьбы интернированных сначала в Суздальском, а затем в Оранском лагерях легионеров Свободы: эти 80 человек преимущественно младшего командного состава должны были стать ядром формирующейся чехословацкой воинской части. От прежней, господствовавшей в советском руководстве идеи об их использовании в качестве членов десантных групп для заброски в тыл немецкой армии к этому времени уже отказались. 5 февраля 1942 г. из Оранского лагеря в Бузулук прибыли 88 офицеров, унтер-офицеров и солдат чехословацкого легиона⁴⁵. Несмотря на возражения Свободы, Пика распорядился принять в часть всех добровольцев, невзирая на то, что кто-то из них «как коммунист (их называли “звездарями”. – В.М.) выступал против сторонников подполковника Свободы в Суздале или в Оранках»⁴⁶.

⁴¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 26, д. 35, л. 9.

⁴² Российский государственный военный архив, Центр хранения историко-документальных коллекций (далее – РГВА ЦХИДК), ф. 01, д. 4, л. 263, 282.

⁴³ ČSVDJ 1, s. 314, 316 (примечание 1 к документу 152).

⁴⁴ ЦА ФСБ РФ, ф. К-10с, оп. 11, д. 200, т. 4, л. 14–18.

⁴⁵ *Свобода Л.* От Бузулука до Праги. М., 1969, с. 62.

⁴⁶ *Vališ Z.* Op. cit., s. 138.

Свобода, которому официально было поручено заниматься организацией первого батальона, отправился в Бузулук⁴⁷ с группой добровольцев еще 28 декабря 1941 г. В середине января 1942 г. по советскому радио прозвучал призыв к добровольному вступлению в чехословацкую воинскую часть, формирующуюся в СССР. В феврале в Бузулук стали прибывать первые добровольцы. В апреле батальон уже насчитывал более 600 человек. Это были люди разного возраста, национальности, вероисповедания, политических взглядов. Национальный состав батальона в апреле выглядел следующим образом: 110 чехов, 142 чеха (русских⁴⁸), 43 чеха (польских), 21 словак, 19 подкарпатских русин, 3 венгра, 286 евреев, в том числе 41 признававших себя лицами еврейской национальности, 133 чешской, 4 словацкой, 6 немецкой, 11 венгерской⁴⁹. Некоторые не знали ни чешского, ни словацкого языка. Все это затрудняло формирование батальона. К тому же начала нарастать напряженность в отношениях между Свободой и Пикой, простиравшаяся не только из мелочных обид и взаимных претензий, но из разногласий по принципиальным вопросам.

Ко всему прочему началась борьба за идеологическое овладение батальоном. В то время, как его командование по-прежнему придерживалось принципа аполитичности армии, коммунисты начали скрытую борьбу за укрепление в части своего влияния. В этом они находили поддержку со стороны ИККИ, членом секретариата которого являлся Готвальд. 8 марта он представил руководителю ИККИ Г. Димитрову инструкцию о работе коммунистов в чехословацкой бригаде. Они должны были действовать не как члены партии, а как “чешские и словацкие патриоты”⁵⁰. Им рекомендовалось стать “душой всей жизни” бригады, чтобы политически овладеть ею. Конкретную работу в части вели Я. Прохазка, Б. Врбенский и Б. Райцин⁵¹. Ощущая угрозу укрепления в батальоне коммунистического влияния в условиях недостатка офицерских кадров, “чехословацкий” Лондон настаивал на приезде в СССР чехословацких офицеров из Англии. Москва же всячески противилась этому.

Тогда командование части обратилось к поискам внутренних резервов: в Бузулуке была организована школа для подготовки офицеров и младших командиров, что, несомненно, открывало дорогу активно действовавшим коммунистам к занятию командных должностей. Несмотря на трудности, весной 1942 г. началось регулярное военное обучение личного состава части. Открылись курсы подрывников, саперов, минометчиков, радистов, военных медиков. При этом использовались советские уставы и учебники. Под негласным руководством коммунистов издавалась газета “Наше войско в СССР”. Существовала библиотека, куда поступали советские газеты и журналы. В полную силу работала медицинская часть батальона: люди, прибывающие в Бузулук, как правило, были истощены и больны.

В мае Свобода без ведома Пики пригласил Готвальда посетить воинскую часть, рассчитывая при этом решить две задачи: уменьшить трения с коммунистами в самой части и ускорить дело освобождения из лагерей людей, необходимых для ее пополнения. Пика, поставленный перед фактом, был недоволен действиями своего подчиненного, но ничего уже сделать не мог⁵². К. Готвальд в сопровождении В. Копецкого и Й. Кроснаржа прибыл в Бузулук 26 мая 1942 г. как депутат Национального собрания

⁴⁷ 14 июля 1972 г. президент ЧССР Л. Свобода “за особые заслуги и помощь в создании чехословацких воинских частей в Советском Союзе” наградил Бузулук орденом ЧССР “Красная звезда”. 5 августа Исполком горсовета депутатов трудящихся г. Бузулука присвоил Л. Свободе звание почетного гражданина города. – <http://www.buzuluk.ru/index.php?index-about8razdel-history>

⁴⁸ Видимо, либо проживавших в СССР, либо советских граждан.

⁴⁹ Brož M. Válečné dokumenty výpovědaje. Čs. vojenská jednotka v SSSR v dokumentech, exponátech a fotografií. Praha, 2005, s. 13, 19.

⁵⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 495, оп. 74, д. 543, л. 41–42.

⁵¹ Benčík A., Richter K. Op. cit., s. 226.

⁵² ДМИСЧО 4-1, с. 214.

бывшей ЧСР. Его поездка формально была приурочена ко дню рождения президента (28 мая). Выступление Готвальда перед личным составом части соответствовало духу линии ИККИ, намеченной после 22 июня 1941 г. Депутаты-коммунисты были удовлетворены результатами своей поездки в Бузулук, о чем доложили Димитрову 8 июня 1942 г. Пика и Ингр тоже в целом положительно оценили результаты посещения Бузулука коммунистическими деятелями⁵³.

31 мая по договоренности с Готвальдом Свобода направил ему как депутату просьбу о максимальной помощи “в решении жизненно важных вопросов, касающихся чехословацкой воинской части в СССР”. Он просил ускорить перевод подкарпатских украинцев, а также пленных чешской, словацкой и карпато-украинской национальностей в часть и содействовать более быстрому ее вооружению. К письму прилагался документ, в котором на основании опроса добровольцев, прибывших в Бузулук, сообщались сведения о численности и местах заключения чехословацких граждан по данным на 29 мая 1942 г. В списке значились 22 лагеря и тюрьмы, расположенные в разных областях СССР⁵⁴. Авторы считали, что приведенные ими данные неполны и что фактически в заключении находится гораздо больше “чехословаков”. Сообщалось также о призванных в Красную Армию в мае 1941 г. волинских чехах, большинство которых было направлено в строительные батальоны, где проходили службу и оседлые чехи, проживавшие в деревнях Краснодарского края, Киевской и Житомирской областей. Как считали составители документа, всего на территории СССР насчитывалось не менее 12 тыс. “чехословаков”⁵⁵. Естественно, все эти “самодельные” сведения не могли быть точными. И ранее, и позднее цифры 10, 12, 13, 15 и 20 тыс. не раз фигурировали в чехословацких документах, передаваемых советской стороне. 1 апреля 1942 г. Новиков устно сообщил Фирлингеру, что “жители Закарпатской Руси будут рассматриваться как чехословацкие граждане и на них будет распространено решение об освобождении”⁵⁶. Но дело двигалось медленно, и Ингр, посетивший СССР, в том числе Куйбышев и Бузулук, в июне 1942 г., снова поднял этот вопрос.

Положением дел в батальоне министр остался доволен, о чем Пика говорил Свободы: “Я хотел бы, чтобы ты видел телеграмму, которую он отправил в Лондон. Твой батальон будто бы является лучшей частью во всей нашей заграничной армии”. Проразка в сообщении Димитрову и Готвальду также положительно оценил визит Ингра, который, по его мнению, “отверг тенденцию отправить часть на Ближний Восток и высказался за ускорение ее отправки на советско-германский фронт”⁵⁷. Тем не менее ни Ингр, ни Пика не желали, чтобы Свобода участвовал в дальнейших переговорах с советскими властями в Москве о чехословацкой воинской части. Однако тот, возможно по настоянию советской стороны, все же принял участие в этих переговорах, что еще более обострило его отношения с Пикой.

Ингр, сопровождаемый Пикой и Свободой, встретился с Панфиловым 3 июля 1942 г. Согласно записи беседы, сделанной начальником отдела внешних сношений Генштаба Красной Армии полковником В.Н. Евстигнеевым, Ингр поставил следующие вопросы: «1. Я прошу как можно скорее обеспечить отправку 1-го чехословацкого батальона на фронт, чтобы сражаться вместе с Красной Армией. Это для нас очень важно. Нам необходимо быстрое получение оружия (помета карандашом: “послан доклад начальнику Генштаба”. – В.М.). 2. Как обстоит дело с освобождением карпаторусин⁵⁸. Мне известно, что по этому вопросу тов. Вышинский дал принципиальное

⁵³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, д. 545, л. 3–6; ДМИСЧО 4-1, с. 232–233; *Benčík A., Richter K.* Op. cit., s. 238.

⁵⁴ См. подробнее: *Марьина В.В.* Указ. соч., кн. 2, с. 79–80.

⁵⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, д. 545, л. 23–25.

⁵⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 25, д. 77, л. 48.

⁵⁷ *Benčík A., Richter K.* Op. cit., s. 246.

⁵⁸ Так назывались тогда в чехословацких документах жители Закарпатья (Подкарпатской Руси).

согласие. 3. В связи с тем, что мы будем формировать новые батальоны из карпато-русин, я прошу разрешения послать офицеров из Англии... 5. Прошу выделить ваших инструкторов для обучения наших офицеров и солдат и дать необходимые наставления и инструкции (помета: “высылаются”. – *В.М.*)... 8. О кредите на содержание военной миссии. Этот кредит я смог бы получить у англичан, они его нам охотно дадут, но я не хочу просить у них этот кредит. 9. Прошу перевести деньги на дальнейшее содержание батальона (помета: “переведено 1,5 миллиона”. – *В.М.*). 10. Обеспечить батальон оружием». Встреча длилась всего полчаса: с 22 до 22.30. Краткие ответы Панфилова на поставленные вопросы гласили: «1. Ваша просьба будет доложена Главному командованию Красной Армии, думаю, что она будет удовлетворена (помета: “послан доклад”. – *В.М.*). 2. Вопрос об освобождении карпато-русин нужно поставить в дипломатическом порядке. 3. Когда будут сформированы новые чехословацкие батальоны, тогда можно будет обсудить этот вопрос практически... 5. Инструкторов пошлем, инструкции дадим (помета: “посланы”. – *В.М.*)... 8. Можно содержать миссию за счет предоставленного вам кредита. 9. Отпустим 1,5 миллиона рублей (помета: “послал”. – *В.М.*). 10. Учебное оружие будет (помета: “запрошен полный комплект всего вооружения”. – *В.М.*). Генерал Ингр поблагодарил генерала Панфилова за скорое решение его просьб»⁵⁹. Фирлингер, сообщая Бенешу о переговорах Ингра в Москве, в частности, отмечал, что советские власти полагают возможным ввести батальон в сражения на таком участке фронта, где он “не понес бы излишних потерь”⁶⁰.

Докладывая Бенешу о визите в Советский Союз и посещении батальона, Ингр отметил: “Физическое и моральное состояние части хорошее. Дисциплина и подготовка также очень хорошие. Обучение проходит хорошо, вооружение до настоящего времени исключительно учебное и в очень ограниченном количестве... До сегодняшнего дня в части не было партийно-политических конфликтов – сосуществование хорошее”⁶¹.

Заручившись согласием “чехословацкого” Лондона в вопросе отправки части на советско-германский фронт, Свобода начал действовать, но действовать самостоятельно, не ставя об этом в известность Пику. Почему? Прежде всего он сам являлся сторонником такого решения вопроса и получал тут поддержку коммунистов части⁶². Очевидно, вольно или не вольно, подталкивали Свободу к активным действиям в указанном направлении и прикомандированные к части советские офицеры, о чем он писал Ингру в Лондон: “Прикомандированные к части советские офицеры связи неоднократно намеками и вопросами пытались выяснить, является ли участие в активных боевых действиях на фронте искренним желанием тех, кто должен идти на фронт, или же соответствующие заверения были даны нашими официальными деятелями в официальных советских учреждениях лишь формально”⁶³. Наконец, Свобода знал о позиции Пики, считавшего, что часть должна участвовать в военных действиях лишь на этапе освобождения Чехословакии. Все это и подтолкнуло Свободу к активным действиям. 28 августа он написал от имени всех бойцов и командиров части письма на имя Сталина, начальника Генштаба и наркома внутренних дел, в которых говорилось, что батальон, закончивший свое обучение в тылу, “ждет получения необходимого вооружения и приказа для отправки на фронт”. Подчеркивалось, что это будет иметь огромное “политическое значение для всего освободительного движения нашего народа”⁶⁴. Постфактум Пика должен был согласиться с просьбой Свободы и подтвердить это официально через постпредство.

⁵⁹ ЦА ФСБ РФ, ф. К-1ос, оп. 11, пор. № 50, д. 200, т. 5, л. 5–6. Там же находится приветствие, направленное Л. Свободой И.В. Сталину 2 июля 1942 г. (л. 4).

⁶⁰ ČSVDJ 1, s. 361.

⁶¹ ДМИСЧО 4-1, с. 232.

⁶² РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, д. 543, л. 115а, 116.

⁶³ ДМИСЧО 4-1, с. 242–243.

⁶⁴ Там же, с. 234–235.

В середине октября часть получила долгожданное боевое оружие, но ответа на свои письма Свобода не имел. Раньше него положительная реакция советских властей стала известна Готвальду, о чем он и сообщил командиру батальона 17 ноября⁶⁵. 22 ноября 1942 г. советский офицер связи при части П. Камбулов довел до сведения Л. Свободы, что его просьба была передана И.В. Сталину, который согласился с отправкой батальона на фронт после надлежащего его вооружения. Одновременно сообщалось, что положительно решен и вопрос об освобождении из лагерей подкарпатских русин⁶⁶, переправка которых в Бузулук начнется сразу же после отправки на фронт батальона. Свобода, снова в нарушении субординации, в тот же день отправил на имя Сталина новую телеграмму, в которой сообщал о готовности батальона к отправке на фронт и просил назначить ее дату на 10 декабря 1942 г.⁶⁷ Пика, не желая ссориться с советским властями, явным фаворитом которых становился Свобода, вынужденно согласился и с этим шагом командира батальона. 17 декабря Пика отправил на имя Сталина “благодарность за прекрасное вооружение чехословацкой воинской части... Для меня является честью сообщить Вам, что техническое и тактическое обучение уже вполне закончено и что 1-й батальон готов к бою”. Пика убедительно просил “дать Ваше любезное разрешение к его отправке на фронт”⁶⁸.

Генерал-майор С.М. Штеменко, тогда начальник Оперативного отдела Генштаба, в мемуарах объяснял задержку с решением вопроса об отправке батальона на фронт так: “Верховный Главнокомандующий, насколько мне известно, придавал этому батальону исключительно большое политическое значение. Не один раз он высказывался на сей счет в период обсуждения положения на фронтах на заседаниях Ставки. Он склонялся к тому, чтобы не бросать чехословацкий батальон в бой против опытных и хорошо вооруженных немецко-фашистских войск, полагая, что в этом случае он неминуемо понесет большие потери”⁶⁹. В конце декабря 1942 г. советские представители проинспектировали состояние боеготовности батальона. В докладе о результатах проверки говорилось, что политико-моральное состояние части находится на высоком уровне, что ее личный и командный состав укомплектован, что она вооружена полностью новым оружием. Выводы гласили: “1. Батальон сколочен и готов к выполнению боевых задач. 2. ...Дальнейшее пребывание батальона в тылу отрицательно отразится на его боеспособности... Командир батальона просит отправить батальон на фронт обязательно в 1942 г., заявляя, что это имеет политическое значение”. Вносилось следующее предложение: “Батальон необходимо отправить на фронт, через некоторое время снять с фронта и на его базе формировать отдельную бригаду из прикарпатских русин”, которые “уже начали прибывать в Бузулук”⁷⁰.

В конце 1942 г. батальон насчитывал 970 человек. В его состав входили три пехотные, минометная и пулеметная роты. 22 января 1943 г. нарком обороны приказал отправить часть в распоряжение командующего войсками Воронежского фронта генерал-полковника Ф.И. Голикова. 30 января батальон отбыл в действующую армию. Это было время, когда завершался разгром группировки немецких армий под Сталинградом. Чехословацкое правительство было заинтересовано, чтобы мир узнал об отправке батальона на советско-германский фронт. В записи о заседании смешанной советско-чехословацкой комиссии 2 февраля 1943 г. говорилось: “Считать целесообразным передать ходатайство полковника Пики о разрешении сообщить в печати и по радио о выходе чехословацкого батальона на фронт на рассмотрение соответствующих со-

⁶⁵ Там же, с. 254.

⁶⁶ Подробнее о переговорах по этому вопросу см.: *Марына В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003, с. 33–34.

⁶⁷ ДМИСЧО 4-1, с. 255.

⁶⁸ ЦА ФСБ РФ, ф. К-10с, оп. 11, пор. № 49, д. 200, т. 4, л. 34.

⁶⁹ *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны, кн. 2. М., 1989, с. 470.

⁷⁰ ЦА ФСБ РФ, ф. К-10с, оп. 11, пор. № 50, д. 200, т. 5, л. 13–16.

ветских органов”⁷¹. Разрешение было дано, поскольку Москва тоже была заинтересована в этом. Широко распропагандированная отправка батальона на фронт принесла несомненные дивиденды чехословацкому правительству, укрепив его международное положение.

1 марта 1943 г. батальон прибыл в район Харькова и занял оборонительные позиции протяженностью 10 км на линии Миргород – Соколово – Артюховка, на северном берегу реки Мжи. Здесь у деревни Соколово состоялось боевое крещение части. Батальон сражался на этом участке фронта до 13 марта, сдерживая танковые атаки немцев и неся большие потери⁷², о чем говорилось в донесении Свободы командующему фронтом 29 марта 1943 г.: потери батальона составили 25% личного состава, в том числе 153 человека убитыми, 92 – ранеными и 122 – пропавшими без вести.

Командующий фронтом, и это было сообщено Пике, высоко оценил боеспособность батальона и стойкость бойцов: “Несмотря на массовое введение в бой немецких танков”, батальон без поддержки собственных танков “выдержал напор и сумел организовать оборону выделенного ему участка, нанес неприятелю большой материальный (в танках) и человеческий урон. Он отступил лишь по приказу свыше”⁷³. Прибывший в начале апреля в Бузулук из Англии полковник (впоследствии генерал) Я. Крадохвил констатировал, что введение батальона в бой было целесообразно, что его командование хорошо справилось с возложенными на него задачами и что потери части в сражении полностью соответствовали обстоятельствам⁷⁴. Специальная комиссия при Высшей военной академии Генерального штаба определила военное значение боев у Соколово, по словам Свободы, так: “Чехословацкая воинская часть в значительной мере содействовала тому, что на важном участке обороны южнее Харькова удалось задержать противника на восемь – десять дней... Это позволило советскому командованию выиграть время для того, чтобы подтянуть на харьковское направление свежие войска”⁷⁵.

Многие солдаты и офицеры батальона, отличившиеся в этих боях, получили советские и чехословацкие ордена и медали. Л. Свобода, первый иностранный гражданин, был награжден орденом Ленина. О. Ярош, посмертно произведенный в капитаны, стал первым иностранцем, который также посмертно получил звание Героя Советского Союза⁷⁶.

Понесший большие потери батальон в начале мая был передислоцирован в г. Новохоперск, где происходило его переформирование. 29 апреля ГКО СССР принял постановление о создании здесь 1-й чехословацкой пехотной бригады, основой которой должны были стать батальон Свободы и сформированный в Бузулуке в основном из подкарпатских русин (украинцев) запасной полк. В сентябре 1943 г. именно они составляли основную часть (2210 человек, т.е. 62,7%) бригады, насчитывавшей к тому времени 3517 солдат и офицеров. Кроме того, в части было 563 чеха (16%), 342 словака (9,7%), 204 еврея (5,8%), 169 советских граждан, а также венгры, поляки, немцы, латыши, русские. К бригаде были прикомандированы 21 советский офицер и 148 солдат. Они замещали должности специалистов, которых в части не хватало (медиков, радистов, отчасти артиллеристов)⁷⁷. 27 мая декретом президента командиром бригады был назначен Свобода, что соответствовало желанию советского командования, но не совпадало с намерениями “чехословацкого” Лондона назначить на эту должность Крадохвила. Для пополнения бригады в Бузулуке создавалась запасная рота. В итоге было

⁷¹ Там же, пор. № 49, д. 200, т. 4, л. 38.

⁷² См. подробнее: *Свобода Л.* Указ. соч., с. 91–158.

⁷³ ČSVDJ I, s. 400 (примечание 4 к документу 224).

⁷⁴ *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR, d. 2. Praha, 1948, s. 105.

⁷⁵ *Свобода Л.* Указ. соч., с. 159.

⁷⁶ ДМИСЧО 4-1, с. 285, 297–298, 341 (примечание 1 к документу 269).

⁷⁷ Чехословацкие воинские части в СССР. – <http://www.czechpatriots.com/csmu/members.php>

найдено компромиссное решение: Кратохвил стал командиром всех чехословацких воинских частей, т.е. формальным начальником Свободы.

Между тем продолжались поиски людей, которыми можно было бы пополнить чехословацкие воинские части. В 1943 г. участились переходы словацких солдат на сторону Красной Армии. 16 июня Пика ходатайствовал перед Г.С. Жуковым, который в феврале стал Уполномоченным СНК СССР по формированию чехословацких частей на территории СССР, о проведении “дополнительного призыва среди граждан, проживающих в СССР, а также среди военнопленных словацкой, венгерской и немецкой армий, чехов и словаков по национальности”. Он просил также о разрешении приехать в СССР чехословацким офицерам (всего 50), поскольку в бригаде из положенных по штату 195 офицеров имеется только 69. Жуков обещал доложить об этом верховному командованию⁷⁸. 27 июня Жуков сообщил Пике о согласии советского правительства освободить чешских и словацких военнопленных, если они пожелают вступить в ряды чехословацкой армии в СССР. 5 июля в состав бригады была принята словацкая рота (200 человек) под командованием надпоручика П. Марцелли. В сентябре в бригаду входили два пехотных и танковый батальоны, артиллерийская и зенитная батареи, роты разведчиков, саперов, связистов, минометный и кавалерийский взводы и обслуживающие подразделения. Бригада получила новейшее советское вооружение, в том числе 10 средних и 10 тяжелых танков, 212 тягачей, легковых, транспортных и специальных автомашин и т.д.⁷⁹

После победы Красной Армии в грандиозной битве под Курском, высадки войск союзников в Сицилии, выхода из войны Италии представлялось, что недалеко и время освобождения Чехословакии. Свобода считал, что бригада подготовлена к отправке на фронт. Пика же полагал, что пока этого не следует делать, поскольку ее численность не достигает ранее запланированной, обучение и моральная подготовка не соответствуют необходимому уровню и слаб офицерский корпус: не хватает 100 офицеров, а вновь назначенные не имеют опыта командования, мало и плохо обучены. Пике поддерживал и Кратохвил, отношения которого со Свободой также не сложились.

Но вопреки всем трудностям бригада была сформирована. Советская инспекционная комиссия нашла ее готовой к отправке на фронт. На торжестве перед отправкой части на фронт присутствовали советские генералы, З. Фирлингер, К. Готвальд и Я. Шверма (от КПЧ). 30 сентября на фронт убыл первый эшелон, затем еще девять. В район сосредоточения бригада прибыла 17 октября. 12 октября Ингр, Пика и Свобода получили телеграммы за подписью Сталина, в которых выражалась уверенность, что чехословацкие солдаты и офицеры вместе с Красной Армией “принесут освобождение своей стране”, и подчеркивалось, что “Красная Армия и в дальнейшем будет оказывать чехословацкому народу всяческую поддержку в его борьбе за освобождение Чехословакии от гитлеровских захватчиков”. Откликнувшись на просьбу Пики от 5 октября о формировании авиационной эскадрильи, Сталин лично принял решение о предоставлении первоклассной авиационной техники, механиков и вспомогательных служб для одного авиационного полка, “как это было сделано в случае с французским авиационным формированием”. Советское командование приняло решение об обучении чехословацких военнослужащих в советских авиационных училищах⁸⁰.

Чехословацкая бригада вошла в состав 51-го корпуса 38-й армии 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина. В конце октября шла подготовка операции Красной Армии по освобождению Киева. Свобода, теперь уже в звании полковника, просил советское командование задействовать чехословацкую часть на направлении главного удара. Просьба была удовлетворена. Участие корпуса

⁷⁸ ЦА ФСБ РФ, ф. К-10с, оп. 11, пор. № 50, д. 200, т. 5, л. 59–60.

⁷⁹ *Свобода Л.* Указ. соч., с. 175.

⁸⁰ ДМИСЧО 4-1, с. 354–361, 379–380 (примечание 1 к документу 307).

и чехословацкой бригады в боях за Киев в деталях описано Свободой. Потери части, согласно его мемуарам, были гораздо меньше, чем в бою у Соколово: 30 убитых и 80 раненых⁸¹. В приказе Верховного Главнокомандующего от 6 ноября 1943 г. по случаю взятия Киева наряду со многими советскими частями отмечалась и отдельная чехословацкая бригада полковника Свободы. Президиум Верховного Совета СССР наградил бригаду и ее командира орденом Суворова 2-й степени, а 139 солдат и офицеров различными орденами и медалями. 3 офицера – командиры рот автоматчиков А. Сохор, танковых Й. Буршик и Р. Тесаржик – получили звание Героя Советского Союза. 20 декабря Бенеш, прибывший в Москву для подписания советско-чехословацкого договора, присвоил Свободе звание бригадного генерала (генерал-майора) и наградил его Чехословацким военным крестом 1939⁸². Пика получил это звание несколько раньше. И Пика, и Свобода были приглашены на обед, который дал Сталин в честь Бенеша и чехословацкой делегации.

В дальнейшем чехословацкая бригада с успехом участвовала в Житомирско-Бердичевской и Корсунь-Шевченковской операциях Красной Армии по освобождению всей Правобережной Украины. За участие в боях за г. Белая Церковь бригада получила еще одну правительственную награду – орден Богдана Хмельницкого 1-й степени⁸³. В конце октября – ноябре 1943 г. под Мелитополем на советскую сторону перешли 2731 солдат и офицер 101-й пехотной дивизии словацкой армии. Часть их позднее пополнила состав чехословацкой бригады, а большая часть стала основой формирующейся в СССР 2-й чехословацкой парашютно-десантной бригады.

Во время визита Бенеша в Москву в декабре 1943 г. была достигнута договоренность относительно дальнейшего создания чехословацких воинских частей на территории СССР. С советской стороны переговоры по этому вопросу вели Г.С. Жуков и лично назначенный Сталиным заместитель начальника Генштаба Ф.И. Голиков. Уже на второй день после отъезда Бенеша из Москвы, 23 декабря, Жуков представил Сталину проект постановления ГКО на этот счет. “Мы имеем в настоящее время до 6500 человек, из них 3000 человек в бригаде Свобода; 2000 в лагерях для военнопленных, 1200 человек в запасной части, дислоцированной в Бузулуке, и 200 человек в госпиталях” – отмечалось в документе. Пика просил ускорить решение вопроса, и Жуков снова просил Сталина 25 декабря утвердить предложенный проект.

30 декабря ГКО за подписью Сталина принял Постановление “О дополнительном формировании на территории СССР чехословацких воинских частей”. Речь шла об отдельной чехословацкой воздушно-десантной бригаде с указанием составляющих ее подразделений, об отдельном танковом батальоне, об отдельной авиационной эскадрилье истребителей (позже она была переименована в 1-й отдельный чехословацкий истребительный полк, располагавший 32 самолетами), о запасном пехотном батальоне. “На укомплектование формируемых частей бригады, – говорилось в постановлении, – обратит личный состав ныне существующей запасной чехословацкой части, а также состав военнопленных германской, венгерской, итальянской и румынской армий чехословацких национальностей и гражданства, содержащихся в лагерях НКВД для военнопленных”. Определялись пункты формирования указанных частей: г. Ефремов Московской области, куда следовало передислоцировать и запасной чехословацкий батальон из Бузулука, и г. Иваново. На НКО СССР возлагалось финансовое обеспечение новых воинских частей, для которых бесплатно отпускалось все необходимое имущество. Говорилось о выделении квалифицированных офицеров-инструкторов для обучения личного состава новых формирований и подготовке в советских военных училищах чехословацких военнослужащих. Форма и знаки различия для них

⁸¹ Свобода Л. Указ. соч., с. 194–209.

⁸² Brož M. Op. cit., s. 43–45, 49. О желательности присвоения Свободе генеральского звания упомянул Г.С. Жуков в беседе с Э. Бенешем 18 декабря. – ДМИСЧО 4-2. М., 1983, с. 20.

⁸³ ДМИСЧО 4-2, с. 39, 42, 44.

устанавливались в соответствии с принятыми в чехословацкой армии до 1938 г. Удовлетворялось “ходатайство чехословацкого командования о разрешении въезда в СССР недостающего количества старших офицеров” с упрощенной процедурой оформления. На НКГБ СССР возлагалась ответственность за оперативное обслуживание чехословацких воинских частей⁸⁴.

В тот же день, 30 декабря, состоялись советско-чехословацкие переговоры о конкретных вопросах формирования 2-й Отдельной чехословацкой воздушно-десантной бригады в СССР. Личный ее состав на 70% состоял из сдавшихся в плен словаков. Советское командование внимательно следило за ходом формирования и обучения личного состава бригады, получая каждые 10 дней соответствующую информацию на этот счет. В конце января 1944 г. бригада насчитывала более 2700 человек, в конце апреля ей было вручено боевое знамя⁸⁵. Весной и особенно летом 1944 г. велись активные советско-чехословацкие переговоры о помощи СССР готовившемуся в Словакии восстанию. Предполагалось, что бригада будет десантирована на словацкую территорию, чтобы помочь повстанцам, когда это будет необходимо.

Все существующие и вновь создаваемые чехословацкие воинские части должны были реорганизоваться в 1-й Чехословацкий армейский корпус (ЧАК) под командованием генерала Крацохвила. 10 апреля 1944 г. Генштаб Красной Армии издал директиву о формировании корпуса и размещении его управления в г. Ровно. Запасной батальон преобразовывался в полк и вместе с танковым батальоном передислоцировался из Московской области тоже в район Ровно. Еще 7 марта 1944 г. 1-я бригада получила приказ переместиться на Волынь тоже в район Ровно для переформирования. Согласно указанной директиве ее численность разрешалось довести до 5582 человек. Был начат набор в часть так называемых волынских чехов, предки которых в массовом порядке переселились на территорию Волынской губернии Российской империи еще в 60–70-е годы XIX в. Живущие здесь в основном по деревням чехи сохранили свой язык и культуру. По словам Свободы их насчитывалось примерно 45 тыс. Они знали о гитлеровцах не понаслышке: в июле 1943 г. 400 жителей деревни Чешский Малин были зверски замучены и сожжены карателями⁸⁶. Среди волынских чехов оказалось много добровольцев, готовых с оружием в руках сражаться за освобождение ЧСР, до предвоенных границ которой оставалось чуть больше 400 км.

Преимущественно из волынских чехов начала формироваться в районе г. Каменец-Подольский и 3-я Отдельная чехословацкая пехотная бригада. Численность ее согласно директиве Генштаба Красной Армии от 19 мая 1944 г. составляла тоже 5582 человека. Командиром был назначен прибывший из Англии генерал К. Клапалек. К 1 июля она была в основном сформирована. В связи с нехваткой офицерских кадров для вновь создаваемых чехословацких частей Генштаб Красной Армии дал указание начать их обучение в советских военных училищах. В октябре 1944 г. на чехословацких отделениях десяти советских училищ числилось 425 чехов и словаков.

О составе, настроениях и политработе в чехословацких воинских частях составила подробную справку ответственный секретарь чехословацкой секции Всеславянского комитета С.А. Шмераль⁸⁷, находившаяся в частях в командировке с 13 июля по 5 августа 1944 г. Информация основывалась на ее личных наблюдениях и беседах. Солдатские кадры 1-го ЧАК Шмераль поделила на несколько групп: одна состояла в основном из чехов, среди которых было много коммунистов и которые в большинстве положительно относились к СССР и идее славянской взаимности. Ко второй, “мел-

⁸⁴ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 264, л. 228–235.

⁸⁵ ДМИСЧО 4-2, с. 29-30 (примечание 4 к документу 14), 37; *Brož M.* Op. cit., s. 51, 54.

⁸⁶ *Свобода Л.* Указ. соч., с. 249–250.

⁸⁷ *Шмераль Софья Александровна* – вдова видного деятеля КПЧ Богумира Шмерала, скончавшегося в Москве в 1941 г.

кобуржуазной”, группе она относилась вольных чехов, среди которых мало “колхозников и много зажиточных крестьян”, в ней немало людей, вступивших в ЧАК, дабы впоследствии избежать вступления в колхозы и намеренных уехать в освобожденную Чехословакию и получить там землю. К третьей группе Шмераль относилась перешедших на сторону Красной Армии словаков, среди которых много партизан – одесских, крымских, белорусских. Они восторженно отзывались о советских людях и Красной Армии. Четвертую составляли карпато-украинцы, главным образом крестьяне, освобожденные из советских лагерей. “Первое время эти люди находились в подавленном настроении. Офицеры говорили, что карпато-украинцы проявляют особое рвение в учебе, очень дисциплинированы и на них можно будет положиться в бою”. В материальном отношении, сообщала Шмераль, солдаты прекрасно обеспечены, хорошо питаются.

Относительно Свободы в справке говорилось, что он “пользуется наибольшей популярностью во всех частях”, что он просил советское командование отправить его бригаду на фронт, поскольку она в отличие от других частей достаточно подготовлена, чтобы сражаться вместе с Красной Армией за освобождение Чехословакии. Шмераль отмечала и популярность в армии Кратохвила: “Это – не близкий нам человек, но солдаты любят его за демократизм, за то, что он бывает в частях, знаком со многими солдатами, запросто с ними разговаривает... Политработе он не мешает, но и не поддерживает ее, а только терпит. Другие командиры бригады мало популярны в массах, хотя они и опытные военные специалисты”. Офицеров Шмераль разбила на три группы: приехавшие из Англии и с Ближнего Востока, большей частью скептически относящиеся к СССР, но не проявляющие это открыто, кадровики, которые занимают все высшие командные посты; бывшие офицеры словацкой дивизии (в прошлом учителя, студенты, частично кадровые офицеры словацкой армии), перешедшей на сторону Красной Армии. Они “мечтают о новой Чехословакии и искренне симпатизируют СССР”. Однако Шмераль считала их людьми недостаточно политически грамотными, которым надо помочь разобраться в политических вопросах, и тогда “они могут быть полезны и теперь, и в Чехословакии”. Третья группа – коммунисты и близкие к ним люди, большей частью находящиеся на политработе. Общий вывод Шмераль гласил: “Чехословацкие части готовы к боям, хотят сражаться, однако наше влияние на солдат и особенно на офицеров еще недостаточно, мы его можем и должны увеличить путем индивидуальной работы”⁸⁸.

Вопросы взаимодействия Красной Армии и чехословацких частей обсуждались еще во время пребывания Бенеша в Москве. Тогда была достигнута договоренность о том, что в боях на территории Чехословакии операции будут проводиться всегда совместно. 8 мая 1944 г. по инициативе чехословацкой стороны было подписано Соглашение об отношениях между советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии. В конце августа Красная Армия подошла к довоенным границам ЧСР, в освобождении которой должен был участвовать и Чехословацкий армейский корпус⁸⁹. В это время шли интенсивные переговоры о помощи СССР уже начавшемуся Словацкому национальному восстанию (СНВ), в том числе и путем осуществления прорыва Красной Армией через Дукельский перевал в Карпатах при поддержке двух дислоцированных в Восточной Словакии дивизий словацкой армии, якобы готовых к участию в восстании. Но эти дивизии в первые его дни были разоружены немцами, и начавшая прорыв Красная Армия, не встретив обещанной поддержки с западной стороны Карпат, оказалась в чрезвычайно трудном положении. Следует отметить, что до сентября 1944 г. советское командование не собиралось форсировать Карпатский хребет прямым ударом, поскольку это грозило огромными человеческими и материальными потерями. Горы

⁸⁸ ЦА ФСБ РФ, ф. К-10с, оп. 11, пор. № 46, д. 200, т. 4, л. 90–98.

⁸⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944–1945. Документы и материалы, т. 14–3 (2). М., 2000, с. 483–484.

предполагалось обойти. Успешная Ясско-Кишиневская операция, начавшаяся 20 августа 1944 г., давала, по словам Штеменко, надежду “обойти оборону врага в Карпатах по румынской территории... поставить под удар тыл противника в Карпатах и либо уничтожить, либо вынудить его к отходу”⁹⁰. 26 августа Верховный Главнокомандующий приказал войскам 4-го Украинского фронта (командующий генерал-полковник И.Е. Петров) перейти “к жесткой обороне на занимаемых рубежах, создав сильные резервы”. “Намечаемую Вами операцию (по преодолению Карпат. – *В.М.*) отложить и без разрешения Ставки не проводить”⁹¹. Но приказ не был выполнен, так как через несколько дней поступила новая директива Ставки: наступать. Причиной этого стало восстание в Словакии. 29 августа Верховный Главнокомандующий приказал: “Чехословацкий пехотный корпус в составе 1-й Чехословацкой пехотной бригады, 2-й Чехословацкой воздушно-десантной бригады, 3-й Чехословацкой пехотной бригады, 1-й Чехословацкой танковой бригады, 6-го Чехословацкого корпусного артополка с корпусными частями передать из 1-го Украинского фронта в состав 4-го Украинского фронта”. Однако приказом от 3 сентября корпус снова был возвращен в состав 1-го Украинского фронта⁹².

4 сентября директиву о проведении наступательной операции получил И.Е. Петров. 5 сентября соответствующий приказ подготовил и генерал-полковник К.С. Москаленко, командующий 38-й армией 1-го Украинского фронта. ЧАК входил в состав этой армии. Перед корпусом, который должен был действовать во втором эшелоне, тоже были поставлены конкретные задачи. Карпато-Дуклинская операция, подробно описанная, в том числе и Свободой⁹³, но неоднозначно оцениваемая в научной и мемуарной чешской и словацкой литературе последнего 20-летия, являлась частью Восточно-Карпатской операции Красной Армии и проходила с 8 сентября по 28 октября 1944 г. Этот невыгодный с военно-стратегической точки зрения прорыв Красной Армии через Карпаты был совершен по политическим соображениям, в расчете оказать быструю помощь СНВ. Карпато-Дуклинская операция проходила тяжело, с колоссальными потерями для Красной Армии и чехословацкого корпуса, и не имела того военного эффекта, на который была рассчитана. Руководство вермахта создало в Карпатах мощную оборону, эшелонированную на глубину до 60 км. Немецкие и венгерские войска, державшие оборону узких карпатских переходов, находились в гораздо более выгодном положении, чем наступавшие советские войска и чехословацкий корпус. “По необходимости операция приобрела форму фронтального, лобового натиска, который ... в данной обстановке грозил превратиться в кровопролитное прогрызание позиций немецко-фашистских войск”⁹⁴, – писал Штеменко. Кроме того, как оказалось, у советских войск тогда не имелось достаточных материальных средств для наступления, которое готовилось в спешке, а также опыта боев в горных условиях. Сильно пострадал и 1-й ЧАК. В связи с этим командующий 1-м Украинским фронтом И.С. Конев в ночь с 9 на 10 сентября сместил Я. Крацохвила “как не справившегося с командованием корпусом, не умеющего организовать бой и твердо руководить войсками” и назначил вместо него Л. Свободу, приказав “навести порядок в корпусе, наладить управление войсками и в наиболее короткий срок выйти на рубеж Дукла, Ивла”⁹⁵. О том, насколько правомерным было такое решение, историки ведут спор до сих пор⁹⁶. Словацкий военный историк Й. Быстрицкий считает, подтверждая это документально,

⁹⁰ Штеменко С.М. Указ. соч., с. 462.

⁹¹ Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1944–1945 г., т. 23 (12–4). М., 2001, с. 374.

⁹² Там же, с. 387, 405.

⁹³ Свобода Л. Указ. соч., с. 281–327 и др.

⁹⁴ Штеменко С.М. Указ. соч., с. 465.

⁹⁵ Свобода Л. Указ. соч., с. 294–295.

⁹⁶ Марьяна В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос..., кн. 2, с. 226–227.

что оно было правильным⁹⁷. Как бы то ни было, но 3 октября министр национальной обороны ЧСР официально назначил Л. Свободу командующим чехословацким армейским корпусом в СССР. Командование 1-й и 3-й бригадами было возложено соответственно на генералов Я. Сазавского и К. Клапалека, ранее прибывших из Англии. Оба показали себя хорошими военачальниками. Первый из них погиб сразу после перехода его бригадой довоенной советско-чехословацкой границы: машина генерала подорвалась на mine. “В лице генерала Сазавского мы потеряли мужественного человека и прекрасного командира. Недолго, но хорошо, – по словам Свободы, – командовал он бригадой”⁹⁸. Новым ее командиром был назначен генерал А. Бочек. Клапалек, по ходатайству Свободы в апреле 1945 г. стал командовать корпусом, а Свобода занял пост министра национальной обороны в первом правительстве национального фронта чехов и словаков.

1-й ЧАК под командованием Свободы продолжил наступление, но потери по-прежнему были огромны. По его словам, за неделю боев корпус потерял свыше 400 человек убитыми и почти в четыре раза больше ранеными. Настроение личного состава, потерявшего уверенность в успехе, было подавленным. 20 сентября заместитель начальника Генштаба Красной Армии генерал армии А.И. Антонов направил представителю Ставки маршалу Г.К. Жукову донесение о состоянии соединений 1-го ЧАК. Речь шла о 1-й и 3-й бригадах, понесших большие потери. В связи с этим, говорилось в донесении, боевой дух солдат и офицеров “подорван, пехота их небоеспособна и генерал Свобода не уверен, что сможет выполнить поставленную перед корпусом боевую задачу”. “Изложенное докладываю на Ваше решение”⁹⁹, – писал Антонов. Реакция Ставки на это донесение Антонова автору статьи неизвестна.

В боях за Дуклу в первой половине сентября принимала участие и 2-я Чехословацкая воздушно-десантная бригада. Личный состав этого по сути элитного, хорошо обученного подразделения корпуса был неэффективно использован в качестве пехоты. Бригада, которую предполагалось по воздуху переправить на повстанческую территорию, понесла большие потери. В связи с этим Антонов 19 сентября направил указание командующему войсками 1-го Украинского фронта о необходимости вывести ее из боя, “привести в порядок и только после этого произвести переброску бригады в назначенный район”¹⁰⁰. За 10 дней боев бригада потеряла 11 офицеров, 18 ротмистров, 194 сержанта и 404 солдата, всего 627 человек¹⁰¹. Начало переброски бригады, намеченной на 19–21 сентября, затянулось и проходило в несколько приемов. Всего с 27 сентября по 24 октября на повстанческую территорию было переброшено 1928 военнослужащих бригады и 303,6 т грузов¹⁰². После отгеснения повстанцев в горы туда же отступила и бригада, воины которой вели войну уже как партизаны.

Еще в ходе операции, 27 сентября, причины ее неудач были проанализированы и доложены И.В. Сталину и маршалу Г.К. Жукову¹⁰³. Получившие подкрепление в живой силе и технике 38-я армия и ЧАК продолжили операцию и 6 октября овладели Дукельским перевалом, вступив на территорию Словакии. “Поредевшие части корпуса, – по словам Свободы, – нуждались в пополнении. Численность бригад не превышала численности батальонов, а роты по количеству активных бойцов можно было приравнять к взводам”. Потери советских войск в Карпато-Дуклинской операции составляли

⁹⁷ *Bystrický J. Niekoľko poznámok k najnovšej historiografii Karpatsko-Duklianskej operácie. – Moderní dejiny. 13. Praha, 2005, s. 324–332.*

⁹⁸ *Свобода Л. Указ. соч., с. 324.*

⁹⁹ *Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб..., с. 437–438.*

¹⁰⁰ *Там же, с. 436.*

¹⁰¹ *Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1965, s. 978.*

¹⁰² *ДМИСЧО 4-2, с. 217.*

¹⁰³ *Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 3. Освобождение. М., 1999, с. 465–466.*

21 тыс. убитых и 63 тыс. раненых, а 1-го ЧАК – 1844 убитых и 4700 раненых¹⁰⁴, т.е. около половины его личного состава.

В связи с огромными потерями советских и чехословацких войск в чешской историографии конца XX в. вообще была поставлена под вопрос значимость Карпато-Дуклинской операции с точки зрения помощи Словацкому национальному восстанию. Однако серьезные исследователи проблемы не согласились с этим. Вот, в частности, мнение чешских военных историков А. Бенчика и К. Рихтера: “Несмотря на то, что по ряду причин не удалось выполнить поставленную задачу, операция не может расцениваться как ненужная... Правда, что результаты наступления в Карпатах, которое, несмотря на все трудности, следует оценивать как победу, были оплачены чувствительными потерями. И все же злонамеренной наивностью было бы приписывать советскому командованию стремление намеренно использовать чехословацкий корпус в Карпатах таким образом, чтобы обескровить его. Хотя нет желания говорить о Сталине в розовых тонах, но приписывать ему подобные глупости нельзя. У него не было мотива избавляться от чехословацкого корпуса, который не доставлял ему никаких политических трудностей”. “Вопреки всем недостаткам, – делают вывод чешские историки, – участие чехословацких воинов в боях за карпатские хребты является достойным вкладом в дорого оплаченную победу и по праву может оцениваться через призму героических боевых традиций чехословацкой, а ныне чешской, армий”¹⁰⁵.

Уже “первые дни боев на территории Чехословакии ни у солдат, ни у командиров не оставили сомнений, что дальнейшее продвижение через Карпаты на запад будет нелегким... Бои в октябре были ничуть не легче сентябрьских”, – писал Свобода¹⁰⁶. О потерях корпуса Пика проинформировал Лондон и 28 октября получил следующий ответ Ингра: “Полагаем, что из остатков наших частей можно сформировать три-четыре пехотных батальона, сведя их в отдельную бригаду. Артиллерийский полк считаем целесообразным расформировать. Танковую бригаду также необходимо расформировать, а ее личный состав использовать для пополнения пехоты. Парашютно-десантную бригаду при реорганизации в расчет не берите”¹⁰⁷. Но эти предложения не были реализованы. Командование 1-го ЧАК и советское командование считали, что пополненный и довооруженный корпус следует использовать не только для дальнейшего освобождения Чехословакии, но и как основу ее будущей армии.

В конце 1944 г. советско-германский фронт на всем протяжении от Карпат до Балтийского моря стабилизировался. ЧАК тоже получил полуторамесячную передышку, что дало возможность отдохнуть личному составу, доукомплектовать его и получить новую технику. Согласно директиве Ставки от 25 ноября 38-я армия, в составе которой действовал корпус, передавалась 4-му Украинскому фронту. Переподчинен ему был и 1-й Чехословацкий истребительный авиационный полк, который “со всем личным составом, самолетами и штатно-табельным имуществом” не позднее 5 декабря надлежало отправить в г. Мукачево (Чехословакия). А 5 декабря вышел приказ наркома обороны о формировании к 30 января 1945 г. 1-й Чехословацкой смешанной авиационной дивизии в составе трех авиационных полков: двух истребительных и одного штурмового¹⁰⁸. По словам Свободы, корпус затем был выведен из состава 38-й армии и переподчинен 1-й Гвардейской армии под командованием генерала А.А. Гречко. В составе 38-й армии продолжала действовать чехословацкая танковая бригада.

¹⁰⁴ *Český antifasismus a odboj. Slovníková příručka*. Praha, 1988, s. 146. Надо отметить, что использование разных источников и разных методик подсчета дают отличающиеся друг от друга сведения о потерях как Красной Армии, так и 1-го ЧАК. – *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос..., кн. 2, с. 242, примечание 68.

¹⁰⁵ *Benčík A., Richter K.* Op.cit., s. 321–322.

¹⁰⁶ *Свобода Л.* Указ. соч., с. 328–329, 331, 332.

¹⁰⁷ Там же, с. 345.

¹⁰⁸ *Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб...*, с. 542–543, 558, 563.

В середине января 1945 г. Красная Армия, а вместе с ней и 1-й ЧАК, начала наступление севернее Карпат и приступила к освобождению Восточной Словакии. Продвигаясь с боями на запад по северным склонам словацких гор, корпус встретил сильное сопротивление частей вермахта в районе г. Липтовский св. Микулаш, первые попытки овладеть которым не привели к успеху. Лишь два месяца спустя город был взят силами советских и чехословацких войск. В это время в корпус влилась 4-я бригада, сформированная в словацком городе Левоча, а 1-я и 3-я бригады получили пополнение. 1-й ЧАК продолжил наступление на запад, на Мораву. Предстояло преодоление нового горного массива, Большой и Малой Фатры, изобилующих глубокими ущельями и узкими долинами. “С 13 до 25 апреля на склонах Мартинских гор, – по словам Свободы, – велись бои, которые по трудности можно сравнить с боями на Дукельском перевале”¹⁰⁹. Корпус тогда действовал в составе 18-й армии, которой командовал генерал-полковник А.И. Гастилевич.

5 мая, когда началось восстание в Праге, 1-й ЧАК был еще далеко от столицы Чехословакии. Окончание войны в Европе он встретил в районе города Простейов. Но чехословацкая танковая бригада, входившая в состав 38-й армии и находившаяся в г. Оломоуц, 8 мая получила приказ “идти на помощь восставшей Праге”. Объявление об окончании войны застало танкистов в г. Ждирец. Но им еще предстояло воевать: заставить капитулировать немецкую танковую дивизию, по численности боевых машин превышавшую бригаду. 10 мая первые 8 танков 1-й Чехословацкой танковой бригады вошли в освобожденную Прагу¹¹⁰.

5 апреля Свобода официально приступил к выполнению обязанностей министра национальной обороны в первом правительстве Национального фронта чехов и словаков, возглавляемом Фирлингером. 11 мая оно прибыло в Прагу, где 17 мая состоялся торжественный парад: по Староместской площади под боевыми знаменами прошли части 1-го ЧАК, сформированного в Советском Союзе и начавшего свой боевой путь в сражениях на советско-германском фронте. Численность корпуса, составлявшая в апреле 32 тыс. человек, в мае увеличилась до 60 тыс.¹¹¹ Среди сражавшихся в чехословацких частях шестеро были удостоены звания Герой Советского Союза: генерал Л. Свобода (в 1965 г.), поручик О. Ярош, капитан А. Сохор, капитан Р. Тесаржик, подпоручик И. Буршик, поручик С. Вайда. Шесть человек получили звание Героя ЧССР: генерал Л. Свобода (в 1965 г.), генерал армии К. Клапалец, подполковник Й. Коль, капитан Ф. Врана, капитан В. Опатрны, надпоручик Р. Яслок.

Судьба двух людей, стоявших у истоков создания воинских частей на территории СССР, Гелиодора Пики и Людвика Свободы, сложилась по-разному: у первого – трагически, у второго – драматически. Генерал Пика, в конце войны занимавший пост военного атташе в чехословацком посольстве в СССР, по ее окончании стал заместителем начальника Генштаба чехословацкой армии. После февральских событий 1948 г. в Чехословакии, когда к власти фактически пришли коммунисты, а Готвальд стал президентом страны, Пика был уволен из армии и в мае того же года арестован. На состоявшемся вскоре закрытом судебном процессе ему было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности и шпионаже в пользу Запада. В конце января 1949 г. стало известно, что бывший генерал приговорен к смерти. Готвальд с одобрения ЦК КПЧ отверг просьбу Пики о помиловании. 21 июня 1949 г. Пика был казнен. В декабре 1968 г. (тогда президентом страны являлся уже Свобода) Пикю реабилитировали. В июле 1989 г. на родине генерала, в местечке Штитина, была открыта мемориальная доска с его барельефом. В июне 1993 г. в Пльзени-Слованах на площади генерала Пики ему воздвигнут памятник.

Послевоенная судьба Свободы тоже изобиловала драматическими моментами. Став министром национальной обороны, он стремился воплотить в жизнь принцип,

¹⁰⁹ *Свобода Л.* Указ. соч., с. 398.

¹¹⁰ Там же, с. 419–420.

¹¹¹ <http://www.czechpatriots.com/csmu/corps.php>

которому старался следовать всю жизнь, хотя не всегда это удавалось, “армия – вне политики”. К 1948 г., когда обострилась борьба за власть в Чехословакии, его отношения с коммунистами, стремившимися укрепить в армии свои позиции, стали прохладными. В Москве начали подозревать Свободу в нелояльности к СССР¹¹². В феврале 1948 г. он придерживался нейтральных позиций, не желая вмешательства армии в политический конфликт и возможного кровопролития. Став президентом в июне 1948 г. Готвальд на время сохранил за Свободой, настояв на его вступлении в КПЧ, пост министра национальной обороны. Как пишет один из видных деятелей “Пражской весны” Ч. Цисарж, лично знавший Л. Свободу, он не стремился постичь глубины идеологии, судил обо всем с точки зрения практики, не любил ни догматиков, ни радикалов, имел склонность к принятию взвешенных решений с учетом их последствий¹¹³. В апреле 1950 г. Свобода, однако, был снят с поста министра. Его обвинили в неосмотрительности при назначении на должности офицеров, которые оказались врагами социализма, и в саботаже проведения в армии так называемой кошачьей правительственной программы. Некоторое время он занимал пост вице-председателя правительства, возглавляя госкомитет по спорту и физическому воспитанию. В сентябре 1951 г. Свобода был смещен и с этого поста и в возрасте 55 лет отправлен на пенсию без ее официального оформления. В родном селе Грознати под Тржебичем он помогал организовывать сельскохозяйственный кооператив и был избран его почетным председателем. В начале ноября 1952 г. Свобода был арестован и некоторое время находился в заключении, подвергался допросам, но судим не был.

Из опалы Л. Свободу вызволил Н.С. Хрущев, который во время своего визита в Чехословакию в 1954 г. для участия в X съезде КПЧ выразил желание встретиться с ним. Вскоре после свидания с советским руководителем Свобода был восстановлен в армии и воинском звании. В 1955–1959 гг., он был начальником Военной академии им. К. Готвальда, работал в Чехословацком антифашистском комитете, являлся депутатом Национального собрания ЧССР. В 1965 г. к 20-летию победы над фашистской Германией Свободу было присвоено звание Героя Советского Союза. Одновременно он получил и звание Героя ЧССР. В 1967 г. вышла его книга “От Бузулука до Праги”¹¹⁴, которая в 1969 г. с некоторыми изменениями и дополнениями была переведена и издана в СССР. 30 марта 1968 г. Л. Свобода был избран Президентом ЧССР вместо подавшего в отставку А. Новотного. В августе 1968 г. Свобода как президент и главнокомандующий не допустил опасного противостояния советских и чехословацких войск, считая, что выход из создавшегося положения следует искать на путях договоренности и компромисса с Москвой. В 1970 г. Свобода вторично получил звание Героя ЧССР, а третий раз удостоился его в 1975 г., когда по состоянию здоровья вынужден был уйти с поста президента.

В 1971 г. вышла первая книга воспоминаний Свободы “Дорогами жизни”¹¹⁵, которая за якобы субъективизм в оценке некоторых фактов была изъята из продажи, а продолжение ее написания признано нежелательным. В 1972 г. у президента случился инсульт. Несмотря на свое заявление о желании уйти в отставку, он в 1973 г. был вторично избран на этот пост. Однако работоспособность его резко упала, и в 1975 г. отставка была принята. Новым президентом ЧССР стал Г. Гусак, а Л. Свобода, прожив еще четыре года, ушел из жизни 20 сентября 1979 г. в возрасте 84 лет.

Солдат, политик и государственный деятель Людвик Свобода достойно прошел свой жизненный путь. Выступавший во время войны и после нее за дружбу и сотрудничество между народами СССР и Чехословакии, он, несомненно, является и Героем

¹¹² РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 287, л. 2, 3, 41–53, 63–88; д. 1083, л. 87–99, 197–203. См. также: *Марьина В.В.* ВКП(б) и КПЧ: от доверия к подозрительности. 1945–1948 гг. – Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998, с. 35–38.

¹¹³ *Cisari Č.* Moji českoslovenští presidenti. Praha, 2006, s. 87.

¹¹⁴ *Armádní generál Ludvik Svoboda.* Z Buzuluku do Prahy. Praha, 1967.

¹¹⁵ *Svoboda L.* Cestami života. Praha, 1971.

Советского Союза, и Героem ЧССР. В г. Свидник (Восточная Словакия) на площади Свободы ему установлен памятник. Из-под пера его дочери З. Клусаковой-Свободой вышли две книги о нем¹¹⁶. В 2005 г. в Праге в Российском центре науки и культуры прошло торжественное собрание, посвященное 110-летию со дня рождения Л. Свободы. В 2009 г. состоялась презентация третьего (без купюр) издания его воспоминаний “Дорогами жизни”, охватывающих период 1939–1943 гг. Наряду с общественными, политическими деятелями, зарубежными гостями на церемонии присутствовал и российский посол в ЧР А.Л. Федотов. Он заявил, что книга позволяет лучше увидеть личность Свободы и историю страны, а также больше узнать о тех отношениях, которые складывались между тогдашним Советским Союзом и Чехословакией¹¹⁷.

Солдаты и офицеры чехословацких воинских частей, сражавшихся бок о бок с Красной Армией на советско-германском фронте и внесших свой вклад в победу над нацизмом, заслужили, чтобы память о них жила в нынешних России, Чехии и Словакии.

---

¹¹⁶ *Klusáková-Svobodová Z.* O tom, čo bylo (vzpomínková kniha). Praha, 2005; *eadem.* Ludvík Svoboda. Životopis. Kroměříž. 2006. Русский перевод этой книги размещен в Интернете. – http://www.ludviksvoboda.cz/index_ru.php?-zivotopis2_ru.htm

¹¹⁷ <http://www.gazeta.cz/articles.aspx?id-1648rubrika-23>